СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XXXII, № 1.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Я. К. ГРОТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1883.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль. 1883 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО [1]

Академика Я. К. Грота.

Въ современную жизнь нашу, матеріальную и тревожную, неожиданно является духовно-ясный и спокойный образъ идеальнаго поэта. Невольно спрашиваешь себя: способны ли мы, погрязшіе въ эгоистическихъ интересахъ настоящаго, вполнѣ понять и оцѣнить это свѣтлое явленіе? Попытаемся на нѣсколько минутъ отрѣшиться отъ своихъ заботъ и стремленій, чтобы привѣтливо встрѣтить дорогого пришельца изъ другой, чуждой намъ среды, и отнестись къ нему съ любовью, съ полною готовностью принять тѣ духовныя сокровища, которыя онъ несетъ намъ въ своемъ чарующемъ словѣ, въ своей назидательной жизни.

Съ перваго взгляда чествованіе памяти замѣчательныхъ людей представляетъ характеръ чего-то случайнаго, насильственно вторгающагося въ нашу вседневную жизнь и нарушающаго правильный ходъ ея. Но, съ другой стороны, это невольное отвлеченіе нашихъ мыслей отъ обычной прозы дѣлъ и занятій, это обязательное обращеніе къ тому, что временемъ отброшено далеко отъ насъ, чрезвычайно благотворно: оно даетъ намъ возможность взглянуть съ новой точки зрѣнія на наше настоящее и на самихъ себя, провѣрить наши собственныя помышленія, желанія и дѣйствія.

Юбилейныя рѣчи подвергаются обыкновенно двоякому упреку. Критика любитъ замѣчать, во-первыхъ, что ораторъ не сказалъ

---

[1] См. Примѣчанія, приложенныя къ статьѣ въ концѣ ея.

ничего новаго; но вѣдь понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству. Другой упрекъ заключается въ томъ, что юбилейныя рѣчи обращаются въ похвальныя слова. На это можно замѣтить, что такой характеръ этихъ рѣчей естественно проистекаетъ изъ самой идеи чествованія. Странно было бы, при общественномъ памятованіи человѣка, рѣзко выставлять его недостатки и помрачать ими картину его дѣятельности. Впрочемъ, безпристрастная оцѣнка не исключаетъ и указанія слабыхъ сторонъ чествуемаго: онѣ не могутъ затмить несомнѣнныхъ заслугъ его.

Въ ряду первостепенныхъ писателей нашихъ есть двое, которые отличаются особенно высокимъ нравственнымъ достоинствомъ: это Карамзинъ и Жуковскій. Ихъ имена дороги для исторіи не одной литературы. Оба они были обязаны авторскому таланту достигнутымъ ими высокимъ положеніемъ и вліяніемъ: Карамзинъ, какъ другъ и совѣтникъ своего государя, Жуковскій какъ наставникъ будущаго императора и нѣсколькихъ членовъ царскаго семейства [2].

Давно сказано, что для пониманія поэта нужно побывать въ его отечествѣ. Это справедливо и въ отношеніи къ Жуковскому, несмотря на то, что бо́льшую часть его трудовъ составляютъ переводы; даже и въ нихъ, особенно же въ его оригинальныхъ, хотя и не многочисленныхъ произведеніяхъ, часто отражается то, что съ дѣтства окружало его на родинѣ. Но къ нему еще болѣе примѣнима другая неоспоримая истина — что для объясненія трудовъ писателя необходимо изучить его жизнь.

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одного поэта, у котораго вдохновеніе и художественная дѣятельность были бы въ болѣе тѣсной связи съ жизнью, чѣмъ у Жуковскаго. Говоря о своей молодости, онъ самъ въ одномъ стихотвореніи сказалъ:

«И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно....»

Эта связь никогда не прекращалась и впослѣдствіи.

Вотъ почему для характеристики, хотя въ главныхъ чертахъ, поэзіи Жуковскаго, мы должны бросить взглядъ на обстоятельства его жизни; а приступая къ тому, нельзя не вспомнить съ благодарностью тѣхъ лицъ, которыя трудами своими доставили наиболѣе средствъ къ полному изученію той и другой, именно двухъ друзей поэта: нашего покойнаго товарища П. А. Плетнева и доктора Зейдлица, какъ біографовъ Жуковскаго, и почтеннаго библіографа нашего, П. А. Ефремова, какъ издателя полнаго собранія его сочиненія [3].

Первоначальное духовное развитіе Жуковскаго происходило подъ вліяніемъ особеннаго положенія его въ семьѣ Буниныхъ, среди которой онъ явился на свѣтъ въ селѣ Мишенскомъ (въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева). Одаренный пылкою, впечатлительною душою, съ живымъ воображеніемъ, съ сильною наклонностью къ задумчивой мечтательности, которую привлекало все таинственное, онъ росъ посреди картинъ сельской природы и особенностей коренного русскаго быта. Съ нѣжною заботливостью занимались имъ двѣ дочери Бунина, которыя, будучи гораздо старше мальчика, не могли не пріобрѣсти большого значенія въ его первоначальномъ воспитаніи. Одна изъ нихъ была Варвара Аѳанасьевна, впослѣдствіи по мужу Юшкова, другая Катерина Аѳанасьевна, въ замужствѣ Протасова. Послѣднюю онъ, по разности лѣтъ, привыкъ называть то тетушкой, то маменькой. Позднѣе, ихъ молоденькія дочери сдѣлались ученицами Жуковскаго, полюбили идеальнаго юношу и пріобрѣли въ жизни его другого рода значеніе. Все окружавшее его въ дѣтствѣ способствовало къ развитію въ немъ литературнаго направленія и страсти къ авторству, сначала въ семействѣ Юшковой, въ Тулѣ, гдѣ онъ получилъ первое воспитаніе внѣ дома, а потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ уже на школьныхъ скамьяхъ, съ Жуковскимъ во главѣ, образовалось малень-

кое литературное общество, труды котораго печатались въ особомъ журналѣ «Утренняя Заря». Московскій Благородный пансіонъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сдѣлался прототипомъ будущаго царскосельскаго лицея, гдѣ Пушкинъ между своими товарищами занялъ почти такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ Жуковскій въ московскомъ пансіонѣ. Но въ то время онъ былъ еще только подражателемъ Ломоносова и Державина; по выходѣ же изъ заведенія, онъ сталъ переходить къ болѣе легкимъ формамъ поэзіи и, увлекаясь примѣромъ Дмитріева, долго переводилъ большею частію басни Лафонтена и Флоріана. Но и тогда уже у него въ элегическихъ стихотвореніяхъ начала преобладать необыкновенная въ такомъ возрастѣ меланхолія, находившая себѣ пищу въ мысляхъ о непрочности всего земного, о неизбѣжности смерти и могилы. Самымъ удачнымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, еще въ 1802 году, явился переводъ *Сельскаго Кладбища* англійскаго поэта Грея, обратившій на него вниманіе Карамзина и положившій начало его извѣстности.

Здѣсь въ первый разъ поразительнымъ образомъ обнаружилась необычайная способность Жуковскаго до такой степени усвоивать себѣ настроеніе иностраннаго поэта, что переводъ получаетъ достоинство оригинальнаго произведенія. Въ наше время о Жуковскомъ иногда говорили съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ большею частью только переводчикомъ; но быть такимъ переводчикомъ, какимъ былъ Жуковскій, не удавалось еще никому ни въ нашей, ни въ другихъ литературахъ. Притомъ Жуковскій всегда избиралъ для перевода только то, что отвѣчало его собственному поэтическому характеру и настроенію, такъ что между всѣми его переводами есть внутреннее родство, отражающее душу и жизнь самого переводчика.

Однакожъ послѣ передачи имъ Греевой элегіи прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде нежели онъ угадалъ свое призваніе— быть для Русскихъ возсоздателемъ ново-европейской и преимущественно ново-германской поэзіи. Въ первый разъ обратился онъ къ Шиллеру въ 1807 году и перевелъ изъ его «Валленштейна»

пѣсню: «Тоска по миломъ», которая потомъ была положена на музыку и долго пѣлась съ увлеченіемъ по всей Россіи. Вскорѣ послѣ того явилась баллада *Людмила*, заимствованная изъ Бюргера, и затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ балладъ изъ Шиллера, которому нашъ поэтъ сначала предпочиталъ Бюргера.

Эти переводы его были въ связи съ уроками иностранныхъ языковъ, которые онъ давалъ своимъ молодымъ племянницамъ. Прослуживъ года два въ Москвѣ, въ Главной соляной конторѣ, Жуковскій вернулся въ деревню, и къ этому-то времени относятся названные переводы его, а въ 1808 году онъ снова переселился въ Москву, чтобы заняться изданіемъ «Вѣстника Европы». Въ короткое время ему удалось возстановить значеніе этого журнала, упавшее съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ передалъ его въ другія руки. Но званіе журналиста вовсе не согласовалось съ характеромъ и духовными потребностями поэта: срочная работа такъ тяготила его, что онъ еще до истеченія двухъ лѣтъ передалъ главное завѣдываніе журналомъ прежнему издателю его, профессору Каченовскому, а потомъ и вовсе отказался отъ участія въ изданіи.

Возвратясь опять въ сельское уединеніе, Жуковскій рѣшился дѣлить свое время между уроками своимъ племянницамъ и занятіями для пополненія собственнаго своего образованія. Его журнальная и литературная дѣятельность открыла ему глаза на недостаточность пріобрѣтенныхъ въ пансіонѣ познаній. Съ нимъ произошло то же, что́ и теперь еще у насъ часто повторяется: по вступленіи въ жизнь молодой человѣкъ чувствуетъ, что онъ слишкомъ мало вынесъ изъ школы, и онъ начинаетъ снова учиться. Въ Жуковскомъ мы видимъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ самообразованія: ибо какъ всѣ послѣдующіе труды его, такъ и переписка съ друзьями показываютъ, какія обширныя свѣдѣнія онъ успѣлъ пріобрѣсти самостоятельнымъ трудомъ и чтеніемъ. Изъ одного письма 1810 года къ его другу и школьному товарищу, А. И. Тургеневу, мы узнаёмъ, какой планъ занятій составилъ себѣ будущій наставникъ цар-

ственнаго отрока. Сознавая себя совершеннымъ невѣждой въ исторіи, онъ собирается серьёзно изучить сперва всеобщую, «какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ», а потомъ русскую и языки латинскій и греческій [4]. Обстоятельства не позволили ему однакожъ въ точности выполнить этотъ планъ: греческій языкъ остался ему навсегда неизвѣстенъ. Русскою исторіею дорожилъ онъ особенно, и тѣмъ болѣе, что уже теперь онъ задумалъ поэму «Владиміръ», которая потомъ нѣсколько лѣтъ занимала его и для которой онъ впослѣдствіи намѣревался даже предпринять путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что взглядъ на важность изученія русской исторіи, какъ богатаго источника художественныхъ созданій, остался у него до конца, и онъ не разъ указывалъ на нее въ этомъ смыслѣ молодымъ литераторамъ [5].

Письмо къ Тургеневу позволяетъ намъ также проникнуть въ тогдашнее состояніе сердца нашего поэта: онъ жалѣетъ о потерянныхъ годахъ и явно сознаетъ причину прежней своей недѣятельности, говоря: «Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ». Лѣкарствомъ противъ этого душевнаго недуга онъ предназначаетъ себѣ трудъ, постоянный, неутомимый. И дѣйствительно, трудъ сдѣлался съ этихъ поръ спасительнымъ прибѣжищемъ поэта, но только не въ томъ суровомъ видѣ, въ какомъ онъ его представлялъ себѣ, а въ видѣ поэтическаго творчества, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ того самаго сердечнаго недуга, отъ котораго онъ въ дѣятельности искалъ исцѣленія. Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ намѣреніе заниматься поэзіею только мимоходомъ: «Чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутные набѣги на парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ храму славы... Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя на-

дѣяться достигнуть до перваго». Однако онъ немного ошибся въ своихъ предположеніяхъ: то, что̀ онъ въ своей жизни предполагалъ второстепеннымъ, сдѣлалось главнымъ и дало ему мѣсто не близь храма славы, а въ самомъ храмѣ. Любовь сдѣлалась на всю жизнь вдохновительницею его музы. Но кто же была виновница этого сердечнаго недуга? Это была его племянница, бывшая десятью годами моложе его, Марья Андреевна Протасова. Страсть, овладѣвшая всѣмъ его существомъ, окрыляла его талантъ, и въ то же время внушала ему самыя возвышенныя чувства, ограждала его отъ всякихъ низкихъ побужденій и поступковъ....

Здѣсь насъ поражаетъ противоположность путей, по которымъ шло развитіе двухъ главныхъ представителей русской поэзіи, Жуковскаго и Пушкина: талантъ Пушкина созрѣвалъ посреди самыхъ пылкихъ увлеченій и порывовъ молодости. За то, конечно, и въ результатѣ оба писателя представляютъ весьма различныя явленія: одинъ, сдѣлавшись народнымъ поэтомъ, былъ подобенъ горному потоку, который пробиваетъ себѣ путь сквозь утесы и скалы и мчится съ неудержимою силой, ничему не подчиняясь; другой — поэтъ-космополитъ — можетъ быть приравненъ широкой спокойной рѣкѣ, отражающей въ своемъ прозрачномъ лонѣ разнообразные берега, мимо которыхъ протекаетъ. Жуковскій можетъ служить какъ-бы доказательствомъ простора русскаго духа, способнаго воспринять и усвоить себѣ духовныя особенности всѣхъ другихъ народовъ. Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его *Свѣтланѣ*, въ его поэмѣ *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, въ его *сказкахъ*.

Въ стихотвореніяхъ Жуковскаго за послѣдующіе годы, между прочимъ въ частыхъ посланіяхъ его къ друзьямъ, безпрестанно выражается то благородное настроеніе, которое онъ почерпалъ въ тогдашнихъ своихъ отношеніяхъ и занятіяхъ, его убѣжденіе въ томъ, что мысль о любимомъ предметѣ — лучшій охранитель чистоты сердца, что трудъ составляетъ высшее наслажденіе, что онъ самъ себѣ высшая награда. Эта мысль въ раз-

ныхъ формахъ часто повторяется имъ до самаго конца его жизни. Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину, въ 1814 году, онъ между прочимъ говоритъ:

«Хвала воспламеняетъ жаръ,
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы — въ рѣшеніяхъ пристрастной,
И вѣтреной и разногласной?»

Тутъ же поэтъ ссылается на судъ и примѣръ Карамзина, литературные взгляды котораго вообще сдѣлались закономъ для цѣлой школы писателей, гордившихся названіемъ его послѣдователей: не искать легкаго успѣха въ одобреніи мало смыслящей толпы, дорожить только сочувствіемъ не многихъ, но просвѣщенныхъ судей, не унижать своего достоинства ни дѣломъ, ни словомъ, — таковы были правила, которымъ слѣдовали приверженцы Карамзина еще до образованія арзамасскаго общества, которыя ранѣе всѣхъ наслѣдовалъ отъ него Жуковскій, которыя позднѣе принялъ и Пушкинъ. Эти благородныя традиціи одушевляли еще и послѣдующее поколѣніе лучшихъ изъ русскихъ писателей. Пушкинъ хотѣлъ поддержать эти самыя традиціи, когда задумалъ основать *Современникъ* оплотомъ отъ *Библіотеки для чтенія* и *Сѣверной Пчелы*, угрожавшихъ гибелью этимъ благороднымъ началамъ.

Посланіе къ Батюшкову, писанное въ 1812 году, исполнено самой высокой философіи: поэтъ тутъ изображаетъ между прочимъ отраду и благотворное вліяніе истинной дружбы и чистой любви, значеніе для совершенствованія юноши того существа, для котораго въ сердцѣ его нѣтъ другого названія, кромѣ *она:*

«*Она* — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя»... [6].

Мы уже знаемъ, что для самого Жуковскаго такимъ существомъ была старшая изъ сестеръ Протасовыхъ, вполнѣ раздѣлявшая его чувства; въ его собственныхъ замѣткахъ мы находимъ сердечную исповѣдь съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ пламенныхъ надеждъ, которыя онъ питалъ; но въ 1812 году эти надежды внезапно рушились, когда онъ рѣшился просить руки своей очаровательной Маши и получилъ отъ ея матери суровый отказъ съ указаніемъ на кровное между ними родство. Жуковскій долженъ былъ покинуть имѣніе Протасовыхъ, Муратово, въ Орловской губерніи, и поступилъ въ московское ополченіе.

Съ этой минуты интересъ жизни и поэзіи Жуковскаго раздояется: съ одной стороны начинаются для него блестящіе литературные успѣхи, которые скоро открываютъ ему новое высокое поприще дѣятельности. Съ другой стороны онъ носитъ въ сердцѣ своемъ неисцѣлимую рану, глубокую скорбь, которая отзывается на лирѣ его томными, унылыми звуками [7]. Сначала ударъ, нанесенный ему отказомъ сестры, еще не вполнѣ убиваетъ его надежды, но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ благоразуміе побуждаетъ самый предметъ его любви навсегда отказаться отъ его руки и согласиться на бракъ съ профессоромъ Дерптскаго университета Мойеромъ, — тогда и Жуковскій видитъ необходимость окончательно примириться съ своею участью; сердечная невзгода вызываетъ его на самую великодушную жертву, какая возможна въ подобныхъ обстоятельствахъ: онъ рѣшается стать безкорыстнымъ другомъ, отцомъ той, съ которою судьба не позволила ему соединиться [8]).

Жребій былъ брошенъ въ Дерптѣ, куда передъ тѣмъ переселилась г-жа Протасова, выдавъ вторую дочь свою Александру Андреевну за А. Ѳ. Воейкова, назначеннаго профессоромъ русской словесности при тамошнемъ университетѣ. Это семейное событіе послужило поводомъ къ тому, что и Жуковскій сталъ часто посѣщать Дерптъ и по временамъ жить тамъ довольно долго. Время не позволяетъ мнѣ остановиться на этомъ любопытномъ эпизодѣ жизни его. Упомяну только, что вдохно-

влявшая нашего поэта муза опять нашла себѣ сильную поддержку въ дѣйствительности: его связь съ Дерптомъ еще болѣе сроднила его съ нѣмецкой литературой и вызвала нѣсколько новыхъ произведенiй, заимствованныхъ изъ его любимаго мiра поэзiи.

Всѣ предшествовавшiя условiя жизни Жуковскаго объясняютъ намъ тѣ основныя духовныя начала, которыми неизмѣнно во всю жизнь проникнуто его авторство: его неколебимую вѣру въ безсмертiе души, ето убѣжденiе, что узы, соединявшiя на землѣ два любящiя другъ друга существа, не разрываются смертью одного изъ нихъ, но продолжаются и за гробомъ. Эти упованiя прекрасно выражены имъ въ стихотворенiи *Теонъ и Эсхинъ* (1813 года), въ которомъ отразился итогъ всего мiросозерцанiя поэта. Возвратившемуся на родину Эсхину Теонъ говоритъ:

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла,
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
. . . .
Все небо намъ дáло, мой другъ, съ бытiемъ,
Все въ жизни къ великому средство.
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала Жизнедавцу-Зевесу!»

Стихъ: «Все въ жизни къ великому средство» заслуживаетъ особеннаго вниманiя: самъ поэтъ его запомнилъ и впослѣдствiи не разъ ссылался на него въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Дѣйствительно, слова эти оправдались въ собственной его жизни:

какъ впослѣдствіи удаленіе Пушкина изъ столицы сдѣлалось для него источникомъ новыхъ плодотворныхъ впечатлѣній и художественныхъ созданій, такъ и Жуковскаго то, что казалось ему величайшимъ несчастіемъ, привело къ осуществленію высшихъ задачъ его жизни. Великая историческая эпоха, съ которою совпалъ расцвѣтъ его таланта, естественно настроила его лиру на патріотическій тонъ: еще въ 1806 году онъ написалъ «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей». Теперь, поступивъ въ ополченіе за нѣсколько дней до бородинской битвы и бывъ въ арьергардѣ во время ея, онъ не могъ не воодушевиться всѣмъ, что́ видѣлъ, и вскорѣ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» пронесъ по рядамъ цѣлой арміи и по всей Россіи, вмѣстѣ со славою нашихъ героевъ, имя тридцатилѣтняго поэта. Послѣдствіемъ, котораго онъ и не думалъ искать, было приближеніе его ко двору; вниманіе императрицы Маріи Θеодоровны вызвало его посланіе къ императору Александру и стихотвореніе «Пѣвецъ въ Кремлѣ», внушенныя ему конечно не чѣмъ инымъ, какъ непритворными чувствами, оживлявшими въ эти славные годы всѣхъ Русскихъ. Въ концѣ 1817 года Жуковскому поручено было преподаваніе русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся супругою государева брата, а по вступленіи великаго князя Николая Павловича на престолъ, нашъ поэтъ назначенъ былъ наставникомъ Наслѣдника его.

Не о томъ мечталъ Жуковскій: «Желаю одной независимости, одной возможности писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ»,—вотъ что онъ передъ тѣмъ писалъ къ жившему въ столицѣ Тургеневу: «Что и гдѣ и когда писать — мнѣ на волю; я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ». И вдругъ такой нежданный оборотъ судьбы!.. Но Жуковскій понималъ всю великость и святость возложенныхъ на него обязанностей: онъ не колебался ни минуты въ рѣшеніи, которое долженъ былъ принять, и изъявилъ полную готовность принести свои планы въ жертву долгу передъ отечествомъ. Замѣтимъ однакожъ, что, отказываясь отъ *стиховъ*, онъ не отказывался отъ *поэзіи*, т. е.

и въ новомъ своемъ призваніи сознавалъ родную себѣ поэтическую стихію [9]).

Казалось, начавшаяся для него съ 1818 года педагогическая дѣятельность совершенно удаляла его отъ прежняго, столь дорогого ему поприща. Вышло напротивъ: знакомство великой княгини съ нѣмецкою литературой, ея любовь къ поэзіи, ея тонкій вкусъ, ея рѣдкая любознательность и сочувствіе ко всему прекрасному послужили для счастливаго наставника ея новымъ, сильнымъ возбужденіемъ къ продолженію его поэтической дѣятельности по тому же пути, на которомъ онъ давно стоялъ. Можно даже сказать, что обученіе сдѣлалось взаимнымъ: безъ просвѣщенныхъ указаній и внушеній своей высокой ученицы Жуковскій не перевелъ бы многаго, чтó составило лучшіе цвѣты въ вѣнкѣ его литературной славы. Такъ прежде помогали его творчеству и уроки молодымъ его племянницамъ. Къ личному вліянію великой княгини на его занятія присоединились заграничныя путешествія, которыя выпадали на его долю въ свитѣ ея и такимъ образомъ давали ему возможность снова сближаться съ природой и пользоваться свободою для поэтическихъ созданій. Такими же путешествіями, вынуждаемыми состояніемъ его здоровья, прерывалась не разъ его дѣятельность по участію въ воспитаніи Наслѣдника, чтó также доставляло ему благотворный досугъ для обогащенія литературы новыми произведеніями. Его пребыванію за границей, въ разные годы этой эпохи, мы обязаны между прочимъ появленіемъ въ печати «Орлеанской Дѣвы», отрывковъ изъ «Лалла Рукъ», «Шильйонскаго узника» и «Ундины».

Въ настоящее время найдется, можетъ быть, не мало людей, которые спросятъ: «Дѣйствительно ли Жуковскій принесъ русской литературѣ пользу своими переводами, оказалъ ли онъ ими вліяніе на ея развитіе, и не лучше ли было бы, еслибъ онъ, вмѣсто переводовъ, посвятилъ свой талантъ самобытнымъ произведеніямъ?»

Послѣдній вопросъ нельзя не признать празднымъ, потому что хотя Жуковскій безъ сомнѣнія и обладалъ творческимъ та-

лантомъ, какъ видно изъ оригинальныхъ трудовъ его, но разсуждать можно только о томъ, что́ дѣйствительно сдѣлано имъ. Относительно значенія Жуковскаго для русской литературы въ первой половинѣ нашего столѣтія мы смѣло утверждаемъ, что оно было велико. Главная доля этого значенія принадлежала именно пересаженнымъ имъ на родную почву произведеніямъ нѣмецкой и англійской литературы. Уже одно то, что Жуковскій своими прекрасными стихотвореніями доставлялъ многочисленнымъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, должно быть поставлено ему въ немалую заслугу. Такого изящнаго, музыкальнаго стиха, такого чистаго, правильнаго, о́бразнаго и вмѣстѣ сжатаго, сильнаго языка еще не было слыхано въ русской литературѣ. И въ этихъ чудныхъ формахъ являлось богатое содержаніе, которое вполнѣ отвѣчало духовнымъ потребностямъ и настроенію тогдашняго общества. Въ сущности, это идеальное стремленіе къ чему-то возвышенному, эта задумчивая мечтательность, эта глубокая вѣра въ таинственное, это патріотическое настроеніе, которыми звучала лира Жуковскаго, — вполнѣ согласовались съ духомъ того времени; можно даже сказать, что Жуковскій, съ его энтузіазмомъ къ прекрасному, съ его страстью къ поэзіи и къ воспроизведенію иностранныхъ образцовъ ея, былъ созданіемъ своей эпохи; но дѣло въ томъ, что у него эти общіе вкусы совпали съ необычайнымъ талантомъ, съ высокими свойствами собственной его природы, а потому и труды его, выливавшіеся изъ глубины души, проникнутые горячею искренностью, должны были носить печать превосходства и воздѣйствовать на облагороженіе общества, на усиленіе въ немъ человѣчности и расположенія ко всему прекрасному и идеальному.

Затѣмъ, поэтическій матеріалъ, заимствованный имъ изъ самыхъ образованныхъ литературъ, матеріалъ, и тамъ имѣвшій большое значеніе, переданный въ возможномъ совершенствѣ, не могъ не пріобрѣсти великой цѣнности для молодой русской литературы. Жуковскій перенесъ къ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, ощущеній и образовъ; вліяніе ихъ на современниковъ конечно

нельзя измѣрить и опредѣлить съ математическою точностью, но оно не подлежитъ сомнѣнію. Міръ этотъ привыкли означать именемъ *романтическаго*, названіе неопредѣленное и далеко не покрывающее всего разнообразнаго содержанія заимствованій Жуковскаго изъ новой западно-европейской литературы, но понятное для всякаго, кто вникнетъ во внутренній характеръ переводовъ Жуковскаго, а съ этимъ характеромъ въ близкомъ родствѣ состоитъ и содержаніе оригинальныхъ его сочиненій.

Чтобы уяснить себѣ это, стóитъ сравнить поэзію его предшественниковъ съ тѣмъ, чтó онъ далъ своимъ соотечественникамъ. Изъ его современниковъ, до Пушкина, одинъ только Батюшковъ соперничалъ съ Жуковскимъ въ красотѣ формы, но вся внутренняя сторона его созданій принадлежитъ къ совершенно другой, можно сказать противоположной, сферѣ идей и образовъ. Не разъ уже было указываемо на Пушкина, какъ на живое доказательство значенія Жуковскаго для послѣдующаго поколѣнія поэтовъ. Дѣйствительно, надобно вспомнить, что когда Пушкинъ поступилъ въ царскосельскій лицей, были уже извѣстны нѣкоторыя изъ произведеній, прославившихъ Жуковскаго, другія появились во время пребыванія Пушкина въ лицеѣ, такъ что уже ранніе опыты его возникали подъ вліяніемъ вдохновеній пѣвца Людмилы, Свѣтланы и Громобоя.

Извѣстно, какъ Жуковскій самъ охарактеризовалъ въ старости свое прежнее значеніе въ русской литературѣ. Въ одномъ письмѣ къ Стурдзѣ онъ сказалъ о себѣ: «Во время óно — родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ» [10]. Подъ романтизмомъ въ поэзіи Жуковскаго слѣдуетъ разумѣть не одни переводы его, но и то, чтó вообще составляетъ содержаніе его поэзіи, углубленіе въ самого себя, изображеніе внутренней своей жизни, своихъ задушевныхъ помысловъ и стремленій, своихъ сердечныхъ страданій и надеждъ. Были у насъ и прежде и послѣ лирическіе поэты, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ въ такой полнотѣ именно этихъ сторонъ душевнаго міра. Даже и переводы

Жуковскаго, при всей своей вѣрности, носятъ отпечатокъ преобладающаго настроенія души его. Сквозь всѣ его труды различныхъ эпохъ, если исключить немногія шуточныя стихотворенія, проходитъ одинъ общій характеръ поэзіи. Что же именно составляетъ этотъ характеръ? — Кажется, его можно выразить словами: восторженная мечтательность, сопровождаемая горячею любовью къ ближнему, непоколебимою вѣрою и глубокимъ сознаніемъ святости человѣческой жизни. «Жизнь есть святыня», сказалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и никогда не измѣнялъ этому взгляду ни дѣломъ, ни словомъ. Его поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ его жизни, а жизнь была въ ладу съ поэзіей, и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, онъ стремился къ осуществленію самаго высокаго идеала человѣка и гражданина. Къ нему нельзя примѣнить извѣстныхъ стиховъ Пушкина о поэтѣ, погруженномъ «въ заботахъ суетнаго свѣта», что

. . . «межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ». . . .

Ни одинъ поэтъ не придавалъ своему призванію такого высокаго смысла, какъ Жуковскій. Еще въ 1816 году онъ писалъ А. И. Тургеневу: «Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ.. Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію [11]». . . .

До послѣднихъ дней своей жизни Жуковскій оставался поэтомъ. Хотя онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и повторялъ, что пора перейти къ прозѣ, но еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ возвратился къ давно задуманной имъ поэмѣ «Вѣчный жидъ», и доказалъ ею, что поэтическій талантъ не всегда ослабѣваетъ въ старости [12]. Князь Вяземскій, представившій собою другой примѣръ того же явленія, находилъ, что эта поэма выше

всего, что́ Жуковскій когда-либо прежде писалъ. Хотя онъ остановился на второй пѣсни, однакожъ основная идея созданія видна уже и въ написанномъ: она состоитъ въ томъ, что любовь Господня неистощима, что она даже и величайшаго грѣшника путемъ страданій способна привести къ раскаянію, къ вѣрѣ и къ упованію. Въ концѣ второй пѣсни есть замѣчательныя строки о значеніи поэзіи.. Вѣчный жидъ, Агасверъ, изображая свое одинокое положеніе во вселенной, говоритъ, что видимыя имъ чудеса природы отзываются въ его душѣ молитвою, а «съ нею

«Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія земная —
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова»...

Идеалъ возможнаго на землѣ счастія Жуковскій видѣлъ въ семейной жизни. Къ нему стремился онъ съ молодыхъ лѣтъ, но успѣлъ достигнуть осуществленія его только приближаясь къ 60-лѣтнему возрасту. Еще разъ судьба показала себя благосклонною къ его таланту, давъ ему возможность устроить на послѣднее десятилѣтіе жизни тихое пристанище для умственнаго труда, вдали отъ шума свѣта, посреди живописной природы близь береговъ Рейна.

Сдѣлавшись женихомъ молодой дѣвушки, бывшей почти втрое моложе его, онъ пожелалъ отдать жившимъ въ Россіи роднымъ своимъ подробный отчетъ въ своемъ сватовствѣ. Послушаемъ, какъ самъ онъ рисуетъ свой идеалъ въ обширномъ письмѣ, посланномъ имъ въ Муратово [13]: «Я гонюсь за немногимъ; жизнь спокойная, посвященная труду, для котораго я былъ назначенъ и отъ котораго отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторымъ весьма умѣреннымъ, если можно, избыткомъ, дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобы всему, что́ есть во мнѣ добраго,

дать бо́льшую твердость; чтобы все дурное или испорченное жизнію поправить или привести въ порядокъ, чтобы наконецъ разчесться, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь— вотъ идеалъ моего земного счастія, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донынѣ окружавшая дорогу мою, вдругъ исчезла».

Но такова невѣрность человѣческаго счастія, что и этотъ скромный идеалъ далеко не вполнѣ осуществился въ старости Жуковскаго. Спокойствію его мѣшали съ одной стороны революціонныя движенія въ южной Германіи, а съ другой болѣзненность молодой жены. Эти двойныя тревоги нѣсколько разъ заставляли его мѣнять мѣстопребываніе. Нельзя не удивляться кротости и христіанскому терпѣнію, съ какими онъ переносилъ эти испытанія, сохраняя всю прежнюю энергію своей дѣятельности-продолжая съ неистощимою любовію и юношескимъ жаромъ работать надъ задуманными трудами. Особенно занимала его дорогая Одиссея, переводъ которой онъ считалъ важнѣйшимъ литературнымъ подвигомъ своей жизни; а рядомъ съ нею его увлекало изобрѣтеніе педагогическихъ пріемовъ и особенно составленіе таблицъ для обученія своихъ малолѣтнихъ дѣтей. «Всего изумительнѣе», замѣчаетъ его біографъ Плетневъ, говоря объ этомъ времени, «была быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ и неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ» [14].

Трогательною чертою послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго на чужбинѣ было его постоянное стремленіе возвратиться въ отечество; но изъ года въ годъ здоровье жены заставляло его отлагать исполненіе этого завѣтнаго желанія, а между тѣмъ друзья звали его въ Петербургъ, на празднованіе пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, которое наконецъ и совершилось въ его отсутствіи. Въ одну изъ такихъ-то минутъ тоски по отчизнѣ и чувства одиночества онъ задумалъ своего «Царско-

сельскаго Лебедя», стихотвореніе, звучащее какимъ-то торжественно-заунывнымъ тономъ и сдѣлавшееся его собственною лебединою пѣснью. Не себя ли самого разумѣлъ онъ, говоря:

«Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый,
Брошенный обломокъ — въ новый лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи»...

Стихотвореніе кончается описаніемъ смерти лебедя:

«Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый,
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ, и навзничь съ высоты упалъ онъ,
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій».

Мы проводили нашего поэта въ бѣгломъ очеркѣ отъ колыбели до могилы. Мы вовсе не касались педагогической его дѣятельности; она составитъ сегодня же предметъ особаго чтенія. Позволю себѣ только повторить о ней замѣчаніе одного изъ біографовъ Жуковскаго: «онъ былъ нравственнымъ орудіемъ рус-

ской исторіи»[1]). Мы говорили, что онъ задачею поэта считалъ воспитаніе народа. Какъ человѣку, ему ввѣрено было воспитаніе будущаго Государя. Ка́къ выполнилъ онъ эту задачу — рѣшитъ потомство; но одно несомнѣнно: это — глубокое нравственное вліяніе, которое онъ не могъ не распространять на все, что его окружало: если онъ, какъ писатель, дѣйствовалъ на литературу и общество, то нельзя не сказать, что его вліяніе, какъ дѣятеля въ царской учебной комнатѣ, отозвалось на цѣломъ двадцатипятилѣтіи въ жизни Русскаго народа.

---

[1]) Seidlitz. Ein russisches Dichterleben. Стр. 142.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]. Этотъ очеркъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ прочитанъ Я. К. Гротомъ въ публичномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности 30 января 1883 года, въ воскресенье, по случаю празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковскаго. О предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ упомянуто въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ, напечатанныхъ въ томѣ XXXI *Сборника Отдѣленія* (стр. IV).

Это собраніе почтили своимъ присутствіемъ: Его Императорское Высочество великій князь Владиміръ Александровичъ, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, многіе другіе министры и почетныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, многіе представители ученаго и литературнаго міра, а также нѣкоторые члены другихъ двухъ Отдѣленій Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ было и много дамъ. На эстрадѣ, украшенной роскошною зеленью и живыми цвѣтами, возвышался за каѳедрой бюстъ Жуковскаго.

По открытіи засѣданія, академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что вслѣдствіе ходатайства президента Академіи министръ финансовъ испросилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на ассигнованіе въ распоряженіе Академіи 1.000 р. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ *).

---

*) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и слов.*, т. XXXI, стр. IV — V. Перепечатываемъ здѣсь правила присужденія этой преміи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія:

1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода: а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи

Затѣмъ Я. К. Гротъ прочелъ полученную передъ самымъ засѣданіемъ телеграмму Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны: «Свидѣтельница глубокаго уваженія двухъ незабвенныхъ Государей къ В. А. Жуковскому, съ благодарною памятью присоединяюсь къ чествованію столѣтія рожденія славнаго поэта — достойнаго воспитателя великаго Царя Освободителя и безгранично преданнаго слуги Россіи и ея Государей».

Городской голова И. И. Глазуновъ, прибывшій съ депутаціею думы (Л. Я. Яковлевъ, П. В. Жуковскій, А. А. Краевскій, М. М. Стасюлевичъ, М. И. Семевскій и Г. В. Лермонтовъ), прочелъ слѣдующее постановленіе думы: «1) Просить г. городского голову, его товарища Л. Я. Яковлева и 5-хъ гласныхъ явиться въ качествѣ представителей отъ общества управленія столицы на богослуженіе, на актъ и на торжественный спектакль въ память В. А. Жуковскаго. 2) Возложить отъ города Петербурга два вѣнка: одинъ на могилу В. А. Жуковскаго, а другой на его бюстъ въ Академіи Наукъ. 3) Открыть къ предстоящему учебному году два новыя городскія училища имени В. А. Жуковскаго и въ этихъ училищахъ поставить его портретъ, и 4) Поставить бюстъ В. А. Жуковскаго, присоединивъ къ общей издержкѣ на это пожертвованную профессоромъ К. К. Зейдлицемъ сумму».

По возложеніи И. И. Глазуновымъ вѣнка на бюстъ поэта академикъ Гротъ прочелъ рѣчь о жизни и поэзіи Жуковскаго.

съ его жизнію; б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, какого-нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками (наприм. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра); в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога.

2. Сочиненія представляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати.

3. Премія присуждается Отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть къ участію въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и посторонныхъ литераторовъ.

4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ написанное имъ въ честь Жуковскаго стихотвореніе *).

Вступившій вслѣдъ за нимъ на каѳедру профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ два стихотворенія: М. П. Розенгейма и кн. Ухтомскаго и свою рѣчь о педагогической дѣятельности Жуковскаго **).

Послѣ того сперва А. Н. Майковымъ, а потомъ Я. П. Полонскимъ были прочитаны приготовленныя ими къ этому дню стихотворенія ***).

Въ концѣ акта академикъ Гротъ, взойдя вновь на каѳедру, заявилъ о желаніи представителей: Общества художниковъ, Пушкинскаго Кружка и Кружка с.-петербургскихъ преподавателей прочесть ихъ привѣтствія въ честь Жуковскаго. Вотъ эти адресы:

Отъ **Общества художниковъ**:

«Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта Василія Андреевича Жуковскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ, по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 году въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искуствомъ гравированія на мѣди, а впослѣдствіи иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ напримѣръ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 года предъ «Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскій представилъ въ маленькой виньсткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ

*) Напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1883, № 26.

**) Рѣчь эту см. въ газетѣ *Русь* 1883 г. № 4; стихи г. Розенгейма въ той же газетѣ № 5; а стихи кн. Ухтомскаго въ *Новомъ Времени* 3-го февраля № 2491.

***) Стихотвореніе г. Майкова напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* № 26 и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* № 1, а пьеса г. Полонскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1883 г. № 3.

лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимися на землѣ около сторожевого огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Василій Андреевичъ, сдѣлавшись въ 1808 году достойнымъ руководителемъ журнала «Вѣстникъ Европы», первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искуствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, положительно можно сказать, что Жуковскій, несмотря на свое высокое общественное положеніе, какъ поэтъ-художникъ былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ, и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся, безъ всякаго зова, къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу, первоначальному строителю храма Спасителя въ Москвѣ, и къ нашему извѣстному маринисту Айвазовскому, который свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей автобіографіи, напечатанной на страницахъ «Русской Старины». 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить въ немъ любовь къ изящнымъ искуствамъ, и по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 году извѣстнымъ всей Европѣ, явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по иниціативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту-художнику Тарасу Шевченко, для чего К. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, который былъ разыгранъ въ лотерею за 2.500 р., и этою цѣною Шевченко избавился отъ крѣпостной зависимости. Приведенные факты невольно вызываютъ чувство искренняго, задушевнаго выраженія самаго высокаго почтенія и глубокаго уваженія къ Жуковскому; почему русскіе художники, среди которыхъ находятся еще лично знавшіе его, сочли долгомъ настоящимъ адресомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта».

От **Пушкинскаго Кружка**:

«Память перваго учителя того Пушкина, именемъ котораго имѣетъ честь называться кружокъ;

«Память задушевнаго поэта сладкихъ грезъ юности и благородныхъ стремленій къ гуманнымъ идеаламъ человѣчества;

«Память незабвеннаго наставника нашего въ мiровой поэзіи;

«Память добраго заступника, наконецъ, и стоятеля за Пушкина и Гоголя въ трудныя минуты ихъ жизни, —

«Горячо привѣтствуетъ Пушкинскій Кружокъ, отъ души желая, чтобъ русскій геній находилъ себѣ достойную оцѣнку и признательность современниковъ и благодарнаго потомства».

От **Кружка преподавателей**:

«Кружокъ петербургскихъ преподавателей русскаго языка и словесности, въ день юбилея В. А. Жуковскаго, не можетъ не высказать тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя всегда соединяются у нихъ съ именемъ дорогого поэта. Ихъ призваніе — знакомить новыя поколѣнія съ тѣми высокими идеалами, на которые указывали даровитѣйшіе русскіе писатели. Въ поэзіи Жуковскаго много родственнаго съ общечеловѣческими идеалами геніальнаго Шиллера, и въ ней обильный источникъ для знакомства съ патріотизмомъ древняго Грека, въ ней обильный источникъ той воспитательной силы, которая долго и долго будетъ направлять наше юношество къ добру, истинѣ, — словомъ, ко всему тому прекрасному, что̀ составляетъ высшій интересъ жизни и безъ чего нельзя стать достойнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ.

«*Поэзія* Жуковскаго даетъ учителю могучее средство вызвать въ юной душѣ ту вѣру въ идеалъ, съ которой каждый образованный гражданинъ долженъ выступить въ жизнь общественной дѣятельности.

«*Жизнь* Жуковскаго, столь часто являвшагося покровителемъ страждущихъ, представляетъ намъ такія черты, изъ которыхъ слагается образъ честнаго гражданина.

«*Педагогическая* дѣятельность Жуковскаго есть незабвенная заслуга предъ отечествомъ. Его воспитанникъ былъ на царскомъ престолѣ человѣколюбивѣйшимъ монархомъ. Давая такое воспитаніе, всецѣло направленное къ одной возвышенной цѣли, мы всегда доставимъ отечеству добрыхъ и дѣятельныхъ гражданъ, и такимъ добрымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ былъ бы и Царь-Мученикъ, однако удѣломъ его былъ престолъ, и онъ еще шире воспользовался плодами воспитанія на пользу дорогой отчизны.

«Такимъ образомъ, и поэзія, и жизнь, и дѣятельность Жуковскаго даютъ намъ то, что́ нужно для педагога, чтобы стать на высоту своего призванія».

***

Затѣмъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что отъ сына поэта, Павла Васильевича Жуковскаго, получено изъ Венеціи письмо, въ которомъ онъ выражаетъ глубокую скорбь о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять личнаго участія въ чествованіи памяти отца.

Прочитаны *телеграммы*:

1. Отъ Елизаветы Николаевны Карамзиной изъ Алупки (на имя П. Н. Батюшкова):

«Всѣмъ сердцемъ, полнымъ дорогихъ воспоминаній, принимаю участіе въ торжествѣ. Посылаю вамъ сто рублей на стипендію».

Вмѣстѣ съ этою телеграммой въ Академію доставленъ отъ имени семейства Карамзиныхъ роскошный вѣнокъ для помѣщенія передъ бюстомъ Жуковскаго.

На имя Отдѣленія русскаго языка и словесности и академика Грота:

2. Отъ директора каменецъ-подольской гимназіи Сторожева:

«Ввѣренная мнѣ каменецъ-подольская гимназія сегодня, по отслуженіи законоучителемъ панихиды по В. А. Жуковскомъ, чествовала память писателя изложеніемъ свѣдѣній о жизни его и значеніи покойнаго въ русской литературѣ и чтеніемъ учени-

ками произведеній поэта. Учащіе и учащіеся просятъ присоединить ихъ къ знаменательному торжеству».

3. Изъ Праги:

«Кружокъ любителей русскаго языка проситъ изъявить чувства уваженія къ памяти Василія Андреевича Жуковскаго, великаго человѣка и поэта».

4. Изъ Гельсингфорса:

«Александровская и Маріинская русскія гимназіи просятъ, въ лицѣ вашемъ, торжественное собраніе Академіи принять и ихъ привѣтъ памяти великаго русскаго писателя и служителя правды и добра».

5. Изъ Дерпта, отъ профессора Висковатаго:

«На могилахъ прошлаго торжествуя новую славу поэта, шлемъ мы русскій привѣтъ собравшимся во имя его».

6. Изъ Дерпта же, отъ друга и біографа Жуковскаго, 84-хлѣтняго доктора Карла Карловича Зейдлица:

«Милостивые государи. Позвольте и мнѣ изъ края, гдѣ покоится прахъ ангела-хранителя помышленій всей жизни Жуковскаго, гдѣ готовилъ онъ себѣ вѣчный пріютъ, — присоединить голосъ къ выраженію общаго прославленія нашего поэта. Дай Богъ, чтобы его поэтическія творенія, педагогическіе труды и примѣръ патріотической жизни снова и снова свѣтили грядущимъ поколѣніямъ яркимъ маякомъ сквозь туманъ и мракъ эгоизма и соціальныхъ заблужденій».

Этимъ закончилось блестящее академическое торжество, оставившее во всѣхъ присутствовавшихъ самое отрадное впечатлѣніе. Возбужденное въ собраніи восторженное сочувстіе выражалось послѣ каждаго чтенія продолжительными рукоплесканіями. Никогда еще академическія торжества не привлекали такой многочисленной публики: зала была до того переполнена, что число приготовленныхъ креселъ и стульевъ оказалось, противъ ожиданія, недостаточнымъ. Въ сосѣдней съ залою комнатѣ была устроена выставка портретовъ и бюстовъ Жуковскаго, нѣкоторыхъ изъ его рукописей, всѣхъ изданій его сочиненій, рисунковъ его собственной

работы и т. п. Выставка эта, состоявшаяся главнымъ образомъ по почину и стараніями Н. И. Стояновскаго, оставалась открытою еще цѣлую недѣлю послѣ празднованія памяти Жуковскаго

На другой день послѣ академическаго торжества получена была слѣдующая телеграмма изъ Люблянъ (Лайбаха):

Literaturnoje obscestvo Matica Slovenska prisutsvujet duhom segodnjasjnej torźestvennosti nezabvennago slavjanina i velikago poeta Žukovskago. Подписалъ: Grasselli.

(Изъ *Правительственнаго Вѣстника*, № 26).

Чествованіе началось еще наканунѣ академическаго собранія, въ суботу 29-го января, заупокойною литургіей и панихидой въ Александро-Невской лаврѣ.

30-го же января устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ Большомъ театрѣ. Составъ вечера былъ слѣдующій: 1-е дѣйствіе и 2-я картина 3-го дѣйствія оперы: «Орлеанская дѣва» Чайковскаго; драматическая поэма «Камоэнсъ»; баллада «Свѣтлана» съ живыми картинами, во время представленія которыхъ самая баллада была прочитана г-жою Савиною; нѣсколько стихотвореній В. А. Жуковскаго, положенныхъ на музыку; апотеозъ (чтеніе стихотвореній Полонскаго и Вейнберга). Живая картина. Вѣнчаніе бюста поэта и стихи Пушкина къ портрету Жуковскаго, прочитанные А. А. Потѣхинымъ.

[2]. Карамзинъ имѣлъ болѣе случаевъ высказывать свои политическіе и общественные взгляды, во многомъ несогласные съ господствующими нынѣ понятіями, и это въ глазахъ нѣкоторыхъ повредило его славѣ, какъ гражданскаго дѣятеля. Спрашивается однакожъ, могутъ ли строгіе порицатели такихъ убѣжденій его ручаться, что еслибъ они были его современниками, то сами думали бы иначе? Жуковскій, какъ поэтъ и педагогъ, стоялъ далѣе отъ общественныхъ интересовъ подобнаго оттѣнка и не навлекъ на себя этого нареканія. Напротивъ, извѣстно, что онъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, прослылъ-было либераломъ за то, что от-

пустилъ на волю два семейства крѣпостныхъ, изъ которыхъ одно было прежде куплено на его имя книгопродавцемъ Поповымъ.

[3]. Трудъ Плетнева: «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго» напечатанъ въ *Живописномъ Сборникѣ* 1853 года и тогда же изданъ отдѣльною книгой (Спб., 188 стр.). Трудъ К. К. Зейдлица явился въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869 г. (май, апрѣль и іюнь, ч. CXLII и CXLIII), потомъ отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ (W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau 1870, а въ слѣдующемъ году 2-мъ изданіемъ) и наконецъ отдѣльною же книгой на русскомъ языкѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго», Спб. 1883 г.»—Подъ редакціею П. А. Ефремова напечатано Глазуновымъ 7-е, самое полное до сихъ поръ, изданіе сочиненій и писемъ Жуковскаго въ 6-ти томахъ.

[4]. Вотъ болѣе полное извлеченіе изъ этого письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатаннаго въ VI томѣ изданія г. Ефремова, стр. 388—392.

«Вся моя прошедшая жизнь покрыта туманомъ недѣятельности душевной... Причина тебѣ извѣстна... Ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня посланіе о дѣятельности, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье... Я всегда говорю себѣ: настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный.

«Такъ, милый другъ, дѣятельность и предметъ ея, польза — вотъ что меня теперь одушевляетъ... Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Въ Вѣстникъ Европы буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана... Лучше поздно, нежели никогда... Трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ».

Интересно также то, чтó Жуковскій въ этомъ письмѣ сообщаетъ о правильности своего образа жизни, оправдываясь въ томъ, что долго не писалъ къ своему другу: «Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть и часы для писемъ... Но я долженъ часто писать въ типографію. Два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру... отчего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; я въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ; въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ неосновательно...» Въ концѣ письма онъ опять возвращается къ этому предмету: «Мое посланіе (къ тебѣ) очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка—и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобъ поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дьяволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы* и гораздо ея лучше. И этотъ дьяволъ посвященъ будетъ милой переписчицѣ (одной изъ племянницъ его Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, впосл. Воейкова), которая сама нѣкоторымъ образомъ, по своей обольстительности — дьяволъ» (VI, 393).

[5]. Здѣсь я говорю по собственнымъ своимъ воспоминаніямъ. Вскорѣ послѣ появленія въ *Современникѣ* (январь 1838 г.) моего перевода «Мазепы» Байрона (который еще въ рукописи былъ прочитанъ Жуковскимъ), Василій Андреевичъ черезъ Плетнева попросилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ (части Зимняго дворца, гдѣ нынѣ императорскій музей). Я поднялся къ нему въ верхній этажъ этого высокаго зданія и засталъ его работающимъ, въ халатѣ, стоя передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтовалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучшій источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ ком-

натамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картонокъ, въ которыхъ хранились автографы его сочиненій. Сбираясь ѣхать за границу въ свитѣ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швеціи познакомиться съ Тегнéромъ и взялъ у меня рукопись уже почти оконченнаго мною перевода «Фритіофс-саги». Это свиданіе произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и я тогда же написалъ сонетъ, котораго однакожъ не только не поднесъ ему, но и никому до сихъ поръ не сообщалъ. Кстати помѣщаю его здѣсь, въ примѣчаніяхъ къ моей академической рѣчи:

Жуковскому.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ;
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Хвала судьбѣ: сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты.

(1838).

Въ слѣдующемъ году Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, и именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую каѳедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ

ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ.

[6]. Въ посланіи къ Батюшкову такъ изображены цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

«Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать,—
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ».

Въ концѣ Жуковскій рисуетъ тотъ идеалъ поэта, которому онъ хочетъ остаться вѣренъ во всю жизнь и которому дѣйствительно никогда не измѣнялъ:

«Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ

Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной:
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ—
Для нихъ стихи кропаетъ
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ».

7. Изъ напечатанныхъ недавно писемъ Жуковскаго и отрывковъ изъ его дневника *) можно видѣть, какъ нѣжно онъ заботился о своей безцѣнной Машѣ, и въ какое невыразимое горе его повергъ отказъ ея матери. Онъ самъ разсказываетъ, какія надежды передъ тѣмъ его оживляли: «Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію, въ благодарность за то счастье, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что *можно быть счастливымъ въ этой жизни.* Другая мысль несказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизъяснимое счастье принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все: я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ... Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ восхитительна. Мнѣ представляется, какъ будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ бо́льшую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастіе было прочно и чисто!... О! теперь вѣра становится милѣйшею моею мыслью — вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть

*) *Русская Старина* 1883, январь, стр. 207.

то святое убѣжище, въ которое переношу счастіе въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ».

[8]. Покидая Дерптъ по волѣ сестры своей, Жуковскій писалъ оставшейся тамъ Марьѣ Андреевнѣ: «Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою» (Зейдлицъ, *Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго*, стр. 73).

[9]. Вскорѣ послѣ назначенія своего въ наставники великаго князя, Жуковскій писалъ къ своей племянницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ: «Прощай навсегда поэзія съ риѳмами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная часть жизни». (Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго*. Спб. 1853. Стр. 69). Педагогическая дѣятельность нашего поэта при дворѣ продолжалась ровно 10 лѣтъ, если считать ее съ опредѣленія его въ преподаватели къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и доводить до путешествія по Европѣ съ августѣйшимъ сыномъ ея.

[10]. *Сочиненія Жуковскаго*, т. VI, стр. 541. При складѣ своего ума, при своей наклонности къ чудесному и сверхъестественному, Жуковскій между прочимъ пристрастился къ средневѣковому міру, къ сказкамъ о рыцаряхъ и ихъ за́мкахъ, о духахъ и привидѣніяхъ. Это была одна изъ тѣхъ областей поэзіи, которая пришлась наиболѣе по вкусу тогдашней русской молодежи. Явилось безчисленное множество подражателей этого направленія литературы. Даже въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди упражнялись въ сочиненіи рыцарскихъ сказокъ такого рода, въ рисованіи къ нимъ картинокъ съ за́мками, луной и гробницами. Говорю опять по своимъ воспоминаніямъ: поступивъ, въ 1823 году,

въ царскосельскій лицейскій пансіонъ, я видѣлъ подобныя произведенія пера и кисти въ тетрадяхъ моихъ товарищей. Однимъ изъ любимыхъ романсовъ, которые пѣлись тогда въ этомъ заведеніи, рядомъ съ «Черною шалью» Пушкина, было положенное на музыку стихотвореніе Жуковскаго: «Дубрава шумитъ».

Приведенныя изъ письма къ Стурдзѣ слова Жуковскаго являются тамъ въ слѣдующей обстановкѣ: «Единственною *внѣшнею* наградою моего труда (т. е. перевода Одиссеи) будетъ сладостная мысль, что я (во время óно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертого».

Это было сказано конечно подъ вліяніемъ того увлеченія, съ какимъ онъ отдался изученію и воспроизведенію на родномъ языкѣ Гомера. Ему казалось, что важнѣйшимъ его литературнымъ подвигомъ и главною заслугою передъ потомствомъ будетъ этотъ трудъ его старости. Между тѣмъ нельзя не признать, что въ поэтической его дѣятельности переложенія произведеній нѣмецкой и англійской литературы, и по художественному достоинству ихъ, и по вліянію на современниковъ, стоятъ выше перевода Одиссеи. Какъ ни глубоко было поэтическое чутье Жуковскаго для постиженія духа и красотъ древне-классическаго эпоса сквозь германскую оболочку, хотя и обставленную всякими историческими и филологическими поясненіями, мы все-таки не можемъ относиться къ его переводу съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ читаемъ переводъ, сдѣланный талантливымъ переводчикомъ прямо съ подлинника. Можно согласиться, что трудъ поэта-переводчика, хотя и незнакомаго съ языкомъ Гомера, выше другого, который былъ бы сдѣланъ знатокомъ-эллинистомъ, но безъ поэтическаго таланта; тѣмъ не менѣе, для полной вѣрности подлиннику, и талантъ не можетъ обойтись безъ знанія его языка. Своими переводами изъ Шиллера Жуковскій внесъ въ русскую литературу цѣлый новый міръ идей и созерцаній, которыя безъ его посредничества остались бы

чужды русскому обществу и которыя не могли не имѣть значенія для всей современной отечественной литературы. Въ недавно изданномъ трудѣ г. Цвѣтаева о балладахъ Шиллера *) показано, что въ нѣкоторыхъ строкахъ и цѣлыхъ куплетахъ Жуковскій не совсѣмъ точно передавалъ смыслъ подлинника; но это частности, не имѣющія большой важности въ цѣломъ: для переводчика въ стихахъ бываютъ трудности непреодолимыя; онъ отвѣчаетъ за точность своего переложенія въ предѣлахъ возможнаго; удачный стихотворный переводъ, несмотря на отступленія въ подробностяхъ, все-таки вѣрнѣе передаетъ идею, характеръ и тонъ подлинника, нежели переводъ въ прозѣ, совершенно убивающій поэтическую прелесть, дающій одинъ остовъ вмѣсто дышащаго жизнью тѣла. Вотъ почему переводы Жуковскаго изъ новыхъ поэтовъ настолько близки къ совершенству, насколько это вообще возможно.

[11]. Передъ нами шесть томовъ убористой печати, въ которыхъ поэтъ осуществилъ это понятіе о своемъ высокомъ призваніи. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашей литературы. Ужели на потомствѣ будетъ лежать упрекъ, что оно не познало одного изъ вѣщихъ сыновъ русскаго народа? Мы должны не только съ благодарностью свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.

[12]. За два дня передъ смертью, Жуковскій, говоря со священникомъ Базаровымъ объ этой поэмѣ, между прочимъ сообщилъ ему, что Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ. Обѣщаніе это теперь исполнено: къ отпразднованному недавно юбилею въ Баденъ-Баденѣ явился прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ: «Ahasver, der ewige Jude. Dichtung von Joukoffsky. Baden-Baden, 1883». Обращаемъ на него вниманіе любителей нѣмецкой поэзіи.

---

*) См. воронежскія *Филологическія Записки* 1882, и отдѣльное изданіе этого труда.

[13]. Это письмо въ первый разъ появилось въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г., кн. III, а недавно перепечатано въ книгѣ г. Загарина: «Жуковскій и его произведенія».

[14]. Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго*, стр. 137.